

V. Инокультурная рецепция

Ольга Богданова

Дмитрий Мережковский и мюнхенское издательство «Пипер» в первой трети XX века (межкультурная трансляция концепта «земля»)¹

Как отметил современный исследователь – знаток библиографии писателя-символиста, – «полный перечень написанного и опубликованного Мережковским до сих пор отсутствует»². Если так обстоит дело с публикациями Мережковского в России, то что говорить о переводах его произведений, вышедших за рубежом! В частности, писатель много издавался в Германии первой половины XX в. Выдающимися немецкими авторами (Артуром Мёллером ван ден Бруком, Томасом Манном, Георгом Геймом и др.) неоднократно отмечено влияние, которое оказали на них его работы. Однако нам неизвестна даже приблизительная библиография изданий Мережковского на немецком языке. Без сомнения, она необходима. Но для ее составления требуется комплексное и масштабное исследование, на которое данная статья претендовать не может. Ее цель гораздо скромнее: осветить сотрудничество известного русского писателя-символиста с *одним* из немецких издательств первой половины XX в. – «Piper Verlag» («Пипер Ферлаг») – и указать на *один* из аспектов влияния его изданий на немецкую культурфилософскую мысль 1910–1920-х гг. – рецепцию мифологемы «земля». Надеюсь, что это небольшое исследование станет «кирпичиком» в создании будущего большого труда о Мережковском в Германии, основой для которого должна стать пока отсутствующая библиография его работ на немецком языке.

Хотя Мережковский печатал свои сочинения в нескольких немецких издательствах, «Пипер Ферлаг» занимает, пожалуй, первое место в деле продвижения его творчества в немецкую культурную среду 1900–1930-х гг. Факты свидетельствуют о том, что интерес к Мережковскому и его идеям возник в Германии на волне увлечения Федором Достоевским и его «революционным» романом «Бесы». Именно работы Мережковского о Достоевском, особенно о соотношении идей и образов последнего с русской революцией 1905–1907 гг., привлекли внимание немецкой интеллигенции и к оригинальному творчеству талантливого интерпретатора великого писателя.

Начало германской известности Мережковского связано с изданием в 1903 г. на немецком языке его книги «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902)³. Здесь Мережковский впервые высказал свое понимание концепта «земля», восходящее к Достоевскому. Оно было обусловлено идейно-мировоззренческим заданием автора: в объединенном исповедании дохристианской Матери сырой земли и христианской Богородицы, услышанном им в речах героини «Бесов» Хромоножки («Богородица – великая мать сыра земля есть»⁴), Мережковский увидел сущность проповедуемого им самим и предсказанного, по его мнению, Достоевским «нового религиозного сознания». Укрупнение образа Хромоножки, по сравнению с его

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709). The research for this article was financed by a grant from the Russian Science Foundation, project No 14-18-02709, at Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

² Холиков, Алексей. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского. Текстология, история литературы, поэтика. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014, с. 5.

³ Mereschkowski, Dmitri. Tolstoj und Dostojewski als Menschen und Künstler. Eine kritische Würdigung ihres Lebens und Schaffens / Deutsche von Carl von Gütschow. Leipzig: Schulze, 1903.

⁴ Достоевский, Федор. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. X. Ред. Василий Базанов, Тамара Голованова. Ленинград: Наука, 1974, с. 116.

реальным местом в романе Достоевского, связано с мыслью Мережковского о необходимости синтеза христианства и язычества в «новом религиозном сознании»⁵.

В отличие от софиологов Владимира Соловьева, Вячеслава Иванова, Сергея Булгакова, считавших «падшую» эмпирическую землю лишь искаженным модусом ее первоначального софийного совершенства⁶, Мережковский создавал образы так называемой «злой» земли, препятствующей духовным поискам «человека культуры». Например, в главах романа «Петр и Алексей» (1905), посвященных раскольникам-самосожженцам, земля предстает как «наваждение бесовское»⁷. А у хлыстовской богородицы Акулины Мокеевны перед преступным жертвоприношением младенца голос «глухой и таинственный, как будто говорила сама „Земля-Земля, Мати сырая”»⁸. В то же время «на одном из собраний Религиозно-философского общества Мережковский сказал, что земля есть место подготовки не только для неба, но и для новой, справедливой жизни на земле»⁹, т.е. утвердил ее хилиастическую ценность. Тоска по «святой земле, святой плоти»¹⁰ пронизывает, в частности, статью «Пророк русской революции» (1906). А в одной из публицистических работ, вошедших в сборник «Больная Россия» (1910), – «Земля во рту» – земля понята им исключительно как «могильная», «погребаящая» все высшее в человеке стихия¹¹. Из приведенных примеров (и из многих других, которые еще можно привести) вырисовывается неоднозначное, дихотомическое отношение Мережковского к земле: отрицательное – как к языческой данности, враждебной подлинной культуре и потому подлежащей уничтожению в очистительном апокалипсическом огне «религиозной революции»; положительное – как к модификации «святой плоти» в чаемом синтезе язычества и христианства грядущего Третьего Завета – царства Святого Духа.

В 1905 г. Артур Мёллер ван ден Брук – немецкий историк, критик, публицист, будущий идеолог «консервативной революции» и автор одиозного сочинения «Третий рейх» (1923), проживавший в это время в Париже, – убедил начинающего немецкого издателя Рейнхардта Пипера в перспективности выпуска Собрания сочинений Достоевского. На титульной странице начавших выходить томов под портретом автора «Бесов» было напечатано: «Под редакцией Д. Мережковского и А. Мёллера ван ден Брука»¹². Перевод не обладал строгой аутентичностью, а состав томов и содержание вводных статей определялись не стремлением как можно более адекватно представить русского классика немецкому читателю, но философско-исторической концепцией вдохновителя издания Мёллера ван ден Брука. Его предисловия к каждому тому имели не научный, а публицистический характер. Лицо издания, безусловно, определялось им. Мережковскому принадлежат лишь 4 введения к следующим последовательно выходившим томам: 13-му («Статьи о политике», 1907), 1–2-му («Родион Раскольников», 1908), 9–10-му («Братья Карамазовы», 1908), 7–8-му («Подросток», 1915). Однако знакомство с работами Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» и «Пророк русской революции» отчетливо ощущается во многих предисловиях немецкого критика к томам пиперовского собрания. Как и у Мережковского, Достоевский предстал в интерпретации Мёллера «религиозным мыслителем

⁵ См.: Мережковский, Дмитрий. Л. Толстой и Достоевский // Он же. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. Москва: Республика, 1995, с. 5-350; с. 246.

⁶ См.: Соловьев, Владимир. Заметка в защиту Достоевского от обвинения в «новом» христианстве // Он же. Собрание сочинений в 10 т. Т. III. Ред. Сергей Соловьев и Эрнест Радлов. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1911–1914, с. 219-223; Иванов, Вячеслав. Доклад «Евангельский смысл слова „Земля”» / Публ., вступ. ст. и коммент. Геннадия Обатнина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 г. Санкт-Петербург: Академический проект, 1994, с. 142-153; Булгаков, Сергей. Отдел второй. Мир. II. Софийность твари // Он же. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Фолио, 2001, с. 329-431.

⁷ Мережковский, Дмитрий. Антихрист. Петр и Алексей: Роман // Он же. Собрание сочинений в 4 т. Т. II / Сост. и общ. ред. Олега Михайлова. Москва: Правда, 1990, с. 654.

⁸ Там же, с. 739.

⁹ Лосский, Николай. История русской философии. Москва: Советский писатель, 1991, с. 394.

¹⁰ Мережковский, Дмитрий. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского) // Он же. Собрание сочинений. Грядущий Хам. Москва: Республика, 2004, с. 120-152; с. 149.

¹¹ Мережковский, Дмитрий. Земля во рту // Он же. Больная Россия: Избранное / Сост., предисл. и послесл. Сергея Савельева. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1991, с. 189-200; с. 199.

¹² Dostojewski, Fjodor. Sämtliche Werke: Unter Mitarbeiterschaft von Dmitri Mereschkovski, Dmitri Philosophoff und Anderen / herausgegeben von Arthur Moeller van den Bruck. Bd. 1–22. München; Leipzig, 1906–1919.

и мистиком»¹³. Вообще «в целом ряде случаев прослеживается зависимость взглядов Мёллера от более ранних работ его старшего партнера. В определенном смысле Мережковский мог бы претендовать на соавторство с Мёллером в выработке немецкого мифа о „русской душе” и немецкой идеи „консервативной революции”»¹⁴, очертания которой возникали в предисловиях обоих критиков к пиперовскому Достоевскому с 1906 по 1919 гг.

Первыми издательство «Пипер» выпустило внеочередные 5-й и 6-й тома Достоевского с романом «Бесы» (1906) – наиболее актуальным, по мнению редакторов. Его «революционная» тематика, видимо под влиянием идей Мережковского, была акцентирована в статье Мёллера ван ден Брука, назвавшего роман «эпосом русской революции»¹⁵. Мысли о ее связи с нигилизмом, с одной стороны, и с сектантством как анархически-религиозным движением, направленным на свержение царя-Антихриста, – с другой, высказанные в предисловии к тому, свидетельствовали о хорошем знакомстве немецкого критика с идеями Мережковского.

Публицистика Достоевского вошла в 1907 г. в 13-й том, озаглавленный «Статьи о политике» (статьи 1873–1874 гг., «Дневник писателя» за 1876 и 1877 гг.). Внеочередная публикация этого тома, как и «Бесов», была вызвана актуальностью знакомства немецкого читателя с концепцией «пророка русской революции» в момент ее вспыхнувшего в России пожара. Введение Мережковского под редакционным заглавием «Заметки о Достоевском» повторяло тезисы только что опубликованной им в России статьи «Пророк русской революции». Том выдержал два переиздания: в 1917 и 1920 гг. К переизданию 1917 г. добавлена вводная статья Мёллера ван ден Брука «Политические предпосылки мировоззрения Достоевского», а статья Мережковского получила заглавие «Религиозная революция», так как была переработана с учетом содержания его статьи «Революция и религия», напечатанной в России в 1907 г.

1908 г. ознаменован выходом 1-го и 2-го томов с романом «Преступление и наказание» (в немецком издании название было изменено на «Родион Раскольников»). Роману была предпослана статья Мережковского «Родион Раскольников», именование его ранней статьи, впоследствии вошедшей в сборник «Вечные спутники», о Достоевском как «величайшем поэте евангельской любви» (1890). Том выдержал 5 переизданий: в 1919, 1920, 1922, 1925 и 1949 гг.

В том же, 1908-м, году вышли 9-й и 10-й тома с романом «Братья Карамазовы», снабженные введением Мережковского «Заметки о Достоевском» и «Предисловием» Мёллера ван ден Брука. В Piper Verlag они выдержали 9 переизданий: дважды в 1916, затем в 1918, 1919, 1920, 1921, 1922, 1923 и 1949 гг.

Знаменательно, что начавшаяся Первая мировая война не остановила, а, напротив, стимулировала издание русского писателя, что свидетельствовало о возросшем интересе к России. 7-й и 8-й тома с романом «Подросток» были выпущены в 1915 г. Вместе с предисловием переводчицы Лесс Кэррик, выступавшей под псевдонимом Е.К. Разин, публикацию «Подростка» предваряла концептуальная статья Мережковского. Тома выдержали 6 переизданий: в 1918, 1920, дважды в 1922, 1946 и 1948 гг.

Сама последовательность первого издания и компоновка томов показывают, что немцы искали у Достоевского историософские ответы на вопросы, поставленные русской революцией 1905–1907 гг. и войной 1914–1918 гг., в первую очередь – о путях и возможностях сохранения народной силы и энергии, народного духа с его мистико-мифологическим богатством, традиционно привязанным к родной земле, в условиях экспансии массовой буржуазно-либеральной городской цивилизации, приводившей цветущее многообразие исторических народов к общему знаменателю безликой меркантильности и бессильной, мелкой повседневности.

И здесь важнейшее значение приобретает ключевой для русской ментальности концепт «земля», имеющий как языческие, так и христианские коннотации. В интерпретации

¹³ Пчелина, Ольга. Д. Мережковский и А. Меллер ван ден Брук: путь к Третьему царству // Электронный журнал «Вестник Московского гос. обл. ун-та»: Философия, 2011, № 3, с. 173-181; с. 175. Эл. версия: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/3743>. 01.06.2016.

¹⁴ Алленов, Сергей. Русские истоки немецкой «консервативной революции»: Артур Мёллер ван ден Брук // Полис. Политические исследования, 2001, № 3, с. 123-138; с. 133.

¹⁵ Moeller van den Bruck, Arthur. Zur Einführung. Bemerkungen über Dostojewski // Dostojewski, Fjodor. Sämtliche Werke. Bd. 5. München; Leipzig, 1906, s. VII-XVI; s. XIV.

Мережковского очевидна, с одной стороны, актуализация языческих смыслов, которые перекликались с популярным у немцев учением Фридриха Ницше, с другой – мистико-хилиастических, которые способствовали разработке апокалипсического образа «Третьего рейха» как «тысячелетнего царства» на земле. Последнее предваряло концепции авторитетных в Германии 1910–1920-х гг. идеологов «консервативной революции»: Мёллера ван ден Брука, Освальда Шпенглера, близкого к ним в ту пору Томаса Манна и др.

Помимо участия в немецком ПСС Достоевского в 1906–1915 гг., Мережковский с 1907 по 1938 гг. выпустил в издательстве «Пипер» 10 книг¹⁶. Перечислим их в хронологическом порядке, взяв за основу год выхода первого издания:

1. Грядущий Хам. В пер. и с предисл. Харальда Хоершельмана. 131 с. Издания: 1907.
2. Царь и революция. Вместе с З. Гиппиус и Д. Философовым. 205 с. Издания: 1908 (дважды). Пер. с фр. (переводчик не указан). В этой книге Мережковскому принадлежит уже прежде опубликованная по-русски статья «Революция и религия».
3. Юлиан Отступник: Исторический роман. Пер. А. Элиасберга. 342 с. Издания: 1911, 1922, 1924, 1927, 1951.
4. Леонардо да Винчи: Исторический роман. Пер. А. Элиасберга. 694 с. Издания: 1911, 1916, 1920, 1922, 1922, 1924, 1925, 1930.
5. Вечные спутники. Пер. А. Элиасберга. 372 с. Издания: 1915, 1919, 1922, 1924.
6. Александр I: Исторический роман. Пер. А. Элиасберга. 535 с. Издания: 1917, 1925, 1947.
7. От войны к революции. Один невоенный дневник. Пер. А. Цукера. 176 с. Издания: 1918, 1919.
8. На пути в Эммаус: Сб. эссе. Сост. и пер. А. Элиасберга. 255 с. (Включая «Пророк русской революции», с. 42-92). Издания: 1919.
9. Петр и Алексей: Исторический роман. Пер. А. Элиасберга. 549 с. Издания: 1924.
10. Франциск Ассизский: Историческое эссе. Пер. Э. Кэррик. 299 с. Издания: 1938.

В них концепту «земля» заметное внимание уделено в статьях «Грядущий Хам» (1905), «Революция и религия» (1907), а также в эссеистических сборниках «На пути в Эммаус» (статья «Пророк русской революции» 1906 г., статьи из сборника «Было и будет. Дневник 1910–1914») и «От войны к революции. Дневник 1914–1917» (1917). Из романов о русской жизни, которые могли оказать влияние на деятелей «консервативной революции», о земле достаточно много говорится в «Александре I» (1913). «Петр и Алексей» издан в «Пипер Ферлаг» только в 1924 г., когда концепция «земли» у идеологов «консервативной революции» уже была сформирована.

Конкретизируем понятие Мережковского о земле, встающее из перечисленных сочинений. В «Грядущем Хаме» – уже знакомая нам двойственность отношения: с одной стороны, как к «святой плоти» («земля» и «народ» – одно из трех начал «духовного благородства», противостоящего «духовному мещанству»), с другой – как воплощению мещанского «серединного» царства бездуховности, насущных материальных нужд, обыденщины (в словах о «*китайской неподвижности*» «русской избы»¹⁷)¹⁸. В последнем случае «отрицание» земли как олицетворения «мещанства» и «хамства» у Мережковского – это, по сути дела, прозорливое предупреждение русского мыслителя о надвигающейся опасности «омассовленного атеистического сознания»¹⁹, захлестнувшего Европу XX в. Здесь Мережковский выступил предшественником идей Шпенглера о культуре и цивилизации, Хосе Ортеги-и-Гассета о «восстании масс» и многих других.

¹⁶ См.: Garstka, Christoph. Arthur Moeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskis im Piper-Verlag 1906–1919: eine Bestandsaufnahme sämtlicher Vorbemerkungen und Einführungen von Arthur Moeller van den Bruck und Dmitri Mereschkowski unter Nutzung unveröffentlichter Briefe der Übersetzerin E.K. Rahsin. Mit ausführlicher Bibliographie. Geleitwort von Horst-Jürgen Gerigk, Frankfurt am Main [u.a.], 1998, ss. 158-159.

¹⁷ Курсив Д. Мережковского. – О. Б.

¹⁸ См.: Мережковский, Дмитрий. Грядущий Хам // Он же. Собрание сочинений. Грядущий Хам. Москва: Республика, 2004, с. 4-16; с. 25, с. 10.

¹⁹ Корецкая, Инна. «Грядущий Хам» Мережковского: текст и контекст // Д.С. Мережковский: мысль и слово. Москва: Наследие, 1999, с. 136-149; с. 146.

В «Пророке русской революции» обличается «ошибочное» видение Достоевским России как «святой Божьей земли, <...> сырой земли-матери, которая там, на последней черте горизонта, соединяется со святым Божиим небом»²⁰. Реальная народная Россия, по Мережковскому, была носителем лишь языческих смыслов и русский крестьянин был христианином лишь по названию. «Только земля»²¹, без стремления к небу, достойна, по логике Мережковского, огненной апокалипсической гибели, так как является антитезой духу, движению, подлинной жизни.

Творчески развивая учение св. Иоахима Флорского о трех эпохах в развитии религии Святой Троицы (в последовательной смене эр Отца, Сына и Святого Духа), Мережковский в «Пророке русской революции» писал, что будущее «откровение Св<ятого> Духа – святая плоть, святая земля, святая общественность – теократия, церковь как царство, не только небесное, но и земное <...>»²². Реальную же Россию, как и всякое «царство на земле», «историческое христианство» отдало «Князю мира сего», т.е. Сатане²³. Софиологическую формулу Достоевского из «Бесов» – «Богородица – великая мать сыра земля есть» – Мережковский толковал в духе своей концепции «Третьего Завета»: это не наличная эмпирическая земля, но «святая плоть» апокалипсического «тысячелетнего царства» во главе с Христом. Если Россия когда-нибудь и сможет достичь такого состояния, то только через «смерч» «религиозной революции»²⁴, считал автор статьи «Революция и религия». В беллетристической форме те же идеи о земле выражены в романе «Александр I».

Сборники «Было и будет. Дневник 1910–1914 гг.» (1915) и «От войны к революции. Дневник 1914–1917» (1917) в целом варьировали уже изложенные мысли о земле. Разве что в последнем более отчетливо выражена необходимость «религиозного действия» для исцеления России: «Наша земля – „больная красавица“. Болезнь ее – религиозная созерцательность, бездейственность, обломовщина <...> отказ от действия, от спасения, от Христа, Который для того и пришел, чтобы принести меч, отделяющий „плохое“ от „хорошего“. Преображение, искупление мира совершается, но не без участия воли человеческой»²⁵. А в статье «О религиозной лжи национализма» Мережковский резко выступил против «зоологического патриотизма» русских неославянофилов во время Первой мировой войны и унаследованного ими тютчевско-славянофильского присвоения святости, Христова покровительства, одной только русской земле²⁶. В Чаадаеве и Достоевском с их родственным отношением к Европе, потенциальной, как и Россия, «святой земле», автор «Дневника 1914–1917» увидел союзников²⁷.

Обрисованный круг мыслей о земле был по-своему воспринят и трансформирован внимательными немецкими читателями Достоевского и Мережковского – участниками движения «консервативной революции» конца 1910–1920-х гг., прежде всего Мёллером ван ден Бруком (помимо предисловий к ПСС Достоевского, в статье «Право молодых народов» 1918 г., книге «Третий рейх» 1923 г. и др.) и Шпенглером (в книге «Закат Европы» 1918–1922 гг. и др.). Отклик на них прозвучал и в выступлениях близкого в ту пору к консервативно-революционным кругам Томаса Манна (в статьях «Русская антология» 1921 г., «Пролог к музыкальному празднику в честь Ницше» 1924 г. и др.).

Главным концептом в идеологии германской «консервативной революции» была укорененная в земле, почве, и объединенная общей кровью «нация». По Мёллеру ван ден Бруку, она должна была противостоять космополитичной массе безземельного, беспочвенного «пролетариата», «излишнего» на перенаселенной немецкой земле, путем приобщения его к

²⁰ Мережковский, Дмитрий. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского), с. 122.

²¹ Там же, с. 142. Курсив мой. – О. Б.

²² Там же, с. 149.

²³ См.: Мережковский, Дмитрий. Революция и религия // Он же. Собрание сочинений. Грядущий Хам. Москва: Республика, 2004, с. 174–212; с. 182.

²⁴ См.: Мережковский, Дмитрий. Революция и религия, с. 212–213.

²⁵ Мережковский, Дмитрий. Больная красавица // Он же. От войны к революции. Дневник 1914–1917. Петроград: Огни, 1917, с. 36.

²⁶ См.: Мережковский, Дмитрий. О религиозной лжи национализма // Он же. От войны к революции. Дневник 1914–1917. Петроград: Огни, 1917, с. 127–131.

²⁷ См.: Мережковский, Дмитрий. Чаадаев // Он же. От войны к революции. Дневник 1914–1917. Петроград: Огни, 1917, с. 147–163; с. 160–161.

национальным традициям и ценностям. Включение «пролетарской массы»²⁸ в «нацию» должно было произойти посредством надления землей тех территорий, которые будут захвачены немцами у других, «дряхлах» западноевропейских народов, а также у России, народ которой должен уйти на Восток, в необозримые просторы Азии, принадлежащие ему по «праву молодого народа», как немцам – такому же «молодому народу» – бывшие русские земли в европейской России²⁹.

Историософский смысл мёллеровской «консервативной революции» – в попытке повернуть назад запущенный с конца XVIII в. развитием капитализма и либерализма в Европе процесс ведущей к тоталитаризму массовизации исторических народов, когда-то объединенных общим «преданием», неутилитарными метафизическими ценностями. Возвращение к национальным истокам – героической мифологии, самобытному языческому культу своей земли – должно было возродить расплывшийся национальный дух. «Есть свой смысл в том, что имеются немцы, которые погружаются в средневековое, сословное, мистическое состояние. Или даже еще глубже – в архаичное и мифическое состояние, в котором они ищут начала, каковые мы могли бы снова использовать. Есть свой смысл в том, что имеются немцы, которые предпочитают западничеству, прогрессу и цивилизации доисторические культы»³⁰, – писал Мёллер в «Третьем рейхе».

Это движение в Германии было начато еще во второй половине XIX в. Рихардом Вагнером и Ницше. Мёллеровский антипрогрессизм, по сути дела, то же ницшеанское «вечное возвращение», призыв к мифологическому циклическому миропониманию, основа которого – природный культ матери-земли. Вспомним известные слова ницшевского Заратустры: «*оставайтесь верны земле*» (Курсив Ф. Ницше. – О. Б.), его многократные призывы «любить землю», «смысл» которой – в рождении «сверхчеловека»³¹.

В книге «Третий рейх» Мёллер, явно вслед за Мережковским, связал концепцию своего «Третьего царства» с учением средневекового монаха Иоахима Флорского, в котором вся история делилась на три части – эпохи Отца, Сына и Святого Духа. «Третий Рейх», по мысли Мёллера, должен стать Царством Святого Духа, а принадлежащая ему земля, соответственно, «святой плотью». Отсюда – возвышение немецкого крестьянства как стержня нации. «Третий рейх» в представлении Мёллера ван ден Брука – это конечная цель «младоконсервативной революции» (явного коррелята «религиозной революции» Мережковского), воплощение хилястической утопии о «Третьем Царстве» как «пророчестве» о единственно возможном «Абсолюте»: «*Может быть только одна Империя, подобно тому как может быть только одна Церковь*»³². Стремление к «Третьему рейху» противостояло современной Мёллеру либерально-индустриальной цивилизации, породившей безликую массу.

Отличие от Мережковского здесь прежде всего в том, что Мёллер возвысил традиционный языческий культ матери-земли как национальную ценность, по сути дела развив отвергнутую Мережковским в «Пророке русской революции» шатовскую концепцию земли и народа, создающего собственных, «почвенных» богов, которая была выдвинута Достоевским в романе «Бесы» как одна из идей Антихриста-Ставрогина³³. Необходимо иметь в виду, что определение русского народа как «богоносца» появилось в устах таких разных героев писателя, как Шатов («Бесы») и старец Зосима («Братья Карамазовы»), а не в собственно авторском дискурсе. В обоих случаях оно имело неодинаковый смысл: «человекобожеский» у Шатова и православно-святоотеческий у Зосимы, которые обычно смешивались в сознании читателей первых десятилетий XX в. Мысль самого Достоевского о «богоносности» русского народа

²⁸ Мёллер ван ден Брук, Артур. Третья империя // Он же. Андрей Васильченко. Миф о вечной империи и Третий рейх / Пер. с нем. Андрея Васильченко. Москва: Вече, 2009, с. 260.

²⁹ См.: Moeller van den Bruck, Arthur. Das Recht der jungen Völker. München, 1919, s. 10, ss. 99-113.

³⁰ Мёллер ван ден Брук, Артур. Третья империя, с. 355.

³¹ Ницше, Фридрих. Так говорил Заратустра // Он же. Сочинения в 2 т. Т. II. / Пер. с нем., сост., редактирование и примеч. Карена Свасьяна. Москва: Мысль, 1996, с. 5-237; с. 8, 53-55.

³² Мёллер ван ден Брук, Артур. Третья империя, с. 363.

³³ Ср. слова Шатова: «Цель всего движения народного <...> есть единственно лишь искание бога, бога своего, непременно собственного, и вера в него как в единого истинного. Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца», «единый народ-„богоносец” – это русский народ <...>». Ставрогин справедливо резюмирует: «<...> вы бога низводите до простого атрибута народности...» (Достоевский, Федор. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. X, с. 198-200).

нельзя отождествлять с идеей Ставрогина-Шатова, близкой не к церковному, а к народному православию³⁴ и даже к язычеству. В структуре «Бесов» теория Шатова – одно из трех антиномичных идейных построений, внушенных разным лицам главным героем романа Ставрогиным – человеком, верующим в беса и не верующим в Бога, по сути дела – Антихристом. Экзистенциальный крах самого Ставрогина – источника этой идеи, несуразность жизни и гибель Шатова, «съеденного» этой идеей, – свидетельствуют о том, что она отнюдь не проистекает из авторского мировоззренческого плана. Не менее важно отметить, что идея «народа-богоносца» соединяется в сознании Шатова с чуждой Достоевскому-публицисту идеей революционного социализма, которая и привела героя еще до начала романного действия в кружок Ставрогина. Зосима же, по собственному признанию Достоевского, был выразителем авторского мировоззрения. «Само собою, что многие из поучений моего старца Зосимы (или, лучше сказать, способ их выражения) принадлежат лицу его, то есть художественному изображению его, – писал Достоевский Н.А. Любимову 7 (19) августа 1879 г. – *Я же хоть и вполне тех же мыслей, какие и он выражает* (Курсив мой. – О. Б.), но если б лично от себя выражал их, то выразил бы их в другой форме и другим языком. Он же не мог ни другим языком, ни в другом духе выразиться, как в том, который я придал ему. Иначе не создалось бы художественного лица»³⁵. Неудивительно, что в «Дневнике писателя» встречаются высказывания, имеющие сходный смысл. При этом необходимо учитывать, что Серебряный век практически не различал «голосов» самого писателя и его героев.

В концепции Мёллера произошло смешение шатовского языческого «народобожия» и мечты об универсальном «Царстве Божиим на земле», что во многом и породило ее будущую востребованность нацистской идеологией в Германии. Впрочем, Мережковский также не делал различия между собственной позицией Достоевского и идеями его героя Шатова. Отсюда резкая критика автора «Бесов», прозвучавшая в статье русского эссеиста. Мёллер же, напротив, принял, как ему казалось, эстафету у Достоевского, на деле став пленником разоблаченной русским писателем «антихристовой» националистической идеи Ставрогина, «съевшей» Шатова. Как справедливо заметил современный исследователь, «своей интерпретацией Достоевского Мёллер раскрыл некий взрывоопасный потенциал, который содержало послание о „народе-богоносце“. Об опасности такого прочтения Достоевского предупреждал не кто иной, как Д.С. Мережковский. В своей статье о „пророке“ русской революции он указывал на заключенный в идеях Достоевского „соблазн“, поясняя, что проложенный им „единственный путь ко Христу Грядущему – ближе всех путей к Антихристу“, и подчеркивая опасность спутать то Царство Третьего Завета, о котором якобы пророчествовал Достоевский, с идеей обожествленного государства»³⁶.

В знаменитой книге Шпенглера «Закат Европы» также чувствуется «русский след», в том числе и в понимании концепта «земля». Как известно, философ был внимательным читателем немецкого ПСС Достоевского с предисловиями Мёллера и Мережковского³⁷. В своем фундаментальном противопоставлении культуры и цивилизации (читай: народа и массы, или, по Мережковскому, «духовного благородства» и «духовного мещанства», «хамства»³⁸) Шпенглер нашел место для земли как собственности крестьянства в так называемом «предкультурном» периоде национального развития, составляющем одно целое с собственно «культурным», являющемся, по сути дела, его первой стадией: «все великие культуры – культуры городские», но культ матери-земли – «<...> предварительное условие всякой культуры, которая опять-таки сама, подобно растению, вырастает из своего материнского

³⁴ Подробнее см.: Бузина, Татьяна. Православие и проповедь истинной веры: Достоевский, Шатов и духовные стихи // Достоевский и мировая культура. Вып. 17. Москва: Издатель С.Т. Корнеев, 2003, с. 110-124.

³⁵ Достоевский, Федор. Полное собрание сочинений 30 т. Т. XXX. Кн. I. Ред. Нина Буданова, Георгий Фридендер, Ирина Якубович. Ленинград: Наука, 1988, с. 102.

³⁶ Алленов, Сергей. Русские истоки немецкой «консервативной революции»: Артур Мёллер ван ден Брук, с. 136.

³⁷ См.: «Закат Европы» как закат патриархальной культуры? (Переводчица Достоевского Лесс Кэррик в переписке с Освальдом Шпенглером) / Вступ. заметка, пер. с нем. и примеч. Галины Потаповой // К истории идей на Западе: «Русская идея». Санкт-Петербург: Издательство Пушкинского Дома; Издательский дом «Петрополис», 2010, с. 548-588; с. 549.

³⁸ См.: Мережковский, Дмитрий. Грядущий Хам, с. 25.

ландшафта, углубляя душевную привязанность человека к почве»³⁹. Поэтому связанный с землей городской период, период культуры как таковой, – это состояние народа, нации. Безземельное кочевничество и поздняя городская (мегаполисная) беспочвенность – это, по Шпенглеру, состояния *до* и *после* культуры. Последнее означает период цивилизации, связанный с господством космополитичной массы. Шпенглер подчеркивал характерную для всех «высоких культур» «тесную привязанность к земле»: «у всех выразительных образований этих культур имеется *родной ландшафт*, и, подобно тому, как город, храм, пирамида и собор *должны* также и завершить свою историю там, где возникла их идея, так и великая религия всякого раннего времени всеми корнями существования связана с той землей, над которой вознеслась ее картина мира (курсив О. Шпенглера. – О. Б.)»⁴⁰.

Здесь, как и в случае с Мёллером ван ден Бруком, отчетливо просматривается аллюзия на шатовскую концепцию земли и порождаемого ею «почвенного», народного бога. Как и Мёллер, Шпенглер не воспринял «мережковского» отрицания земли, видимо потому, что вслед за Ницше положительно отнесся к языческому субстрату национальной религии и отрицательно – к близкому Мережковскому христианскому универсализму. Тем не менее «совершенная культура» у Шпенглера очевидным образом связана с народным почитанием земли и, таким образом, соотносится с мёллеровским, а значит и «мережковским», идеалом «Третьего царства». Однако в самой России, по Шпенглеру, культура как таковая еще не родилась, она все еще находится «в материнском лоне родной земли» из-за отсутствия на ней органически возникших городов. Поэтому Достоевский – «подлинный русский», в понимании автора «Заката Европы», – «был крестьянин», который «никогда не мог внутренне освободиться от земли». А Толстой, как «человек из общества мировой столицы», «несмотря на все свои отчаянные попытки, так этой земли и не нашел»⁴¹. Неудивительно, что именно Достоевский – в основании будущей русской культуры и религии. Здесь налицо переосмысление тезисов ранней книги Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», где первый из русских гениев назван близким к земле «тайновидцем плоти», а второй – устремленным в небо «тайновидцем духа»⁴².

В изложенной концепции так же, как у Мёллера ван ден Брука, не видно следов софийного понимания земли у Достоевского. Очевидно, что Шпенглер воспринимал автора «Бесов» сквозь призму Мережковского с его дихотомической оппозицией «злой» (эмпирической) и «святой» (хилиастической) земли, что не исключало полемического отношения к некоторым тезисам автора «Пророка русской революции».

Томас Манн прямо указал на огромное значение Мережковского для формирования собственных взглядов: «Дмитрий Мережковский! Самый гениальный критик и психолог мирового класса со времен Ницше! Мережковский, чья книга о Толстом и Достоевском произвела на меня в двадцать лет столь неизгладимое впечатление и чей тоже совершенно бесподобный труд о Гоголе буквально ночует у меня на столе!»⁴³ А увидеть в Достоевском «глубокий и преступный лик святого»⁴⁴ – явная аллюзия на характеристику Мережковского, данную великому русскому писателю еще в 1905 г.: «<...> бывший петрашевец и каторжник, будущая противоестественная помесь реакционера с террористом, полубесноватый, полусвятой, Федор Михайлович Достоевский»⁴⁵.

Связав влияние «русской души» на поколение немцев рубежа XIX–XX вв. с воздействием Ницше, Манн тем самым обозначил свою зависимость от взглядов Мережковского на землю. Ведь не секрет, что последний считал Ницше «человеком <...> невероятной культурной и религиозной силы»⁴⁶, который, будучи «совершеннейшим выразителем <...> антихристианской культуры»⁴⁷, тем не менее «своими откровениями нового оргиазма, „святой плоти и крови”,

³⁹ Шпенглер, Освальд. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. II / Пер. с нем. и примеч. Игоря Маханькова. Москва: Мысль, 1998, с. 92.

⁴⁰ Там же, с. 288.

⁴¹ Там же, с. 199.

⁴² См.: Мережковский, Дмитрий. Л. Толстой и Достоевский, с. 142.

⁴³ Манн, Томас. Русская антология // Он же. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе / Пер. с нем. Соломона Апта, Вадима Бакусева и др. Москва: Культурная революция, 2009, с. 69-80; с. 74.

⁴⁴ Там же, с. 77.

⁴⁵ Мережковский, Дмитрий. Грядущий Хам, с. 19.

⁴⁶ Мережковский, Дмитрий. Л. Толстой и Достоевский, с. 142.

⁴⁷ Там же, с. 150.

воскресшего Диониса» указал на необходимость отказа от «исторического христианства» с его «аскетическим противоположением „чистого духа” „нечистой плоти”» и обращения к новой идее – «о мистическом единстве, <...> равноценности, равносвятости Духа и Плоти (Курсив Мережковского. – О. Б.)»⁴⁸. В «Л. Толстом и Достоевском» еще можно найти мысль о присутствии «святой плоти» в учениях «бесконечно верных земле» «великих язычников» Л. Толстого и Ницше⁴⁹. Однако с углублявшимся обращением к христианству в 1900-е гг. Мережковский, как мы видели, от этих воззрений отошел. Кроме того, Манн практически отождествил Ницше и Мережковского в их стремлении к «новой религиозности, новому „смыслу земли”» и к «освящению плоти во имя „Третьего царства”, о котором говорил Генрик Ибсен в своей религиозно-философской драме⁵⁰ <...> Это царство – синтез просвещения и веры, свободы и оков, духа и плоти, „Бога” и „мира”. И нам кажется, что борьба за это „царство”, за новую человечность и новую религию, за оплощение духа и одухотворение плоти <...> нигде не шла более отважно и искренне, как в русской душе»⁵¹. Всячески приветствуя принесенную Ницше «радостную весть о новом завете между человеком и землею»⁵², Манн, по сути дела, солидаризировался с «мережковским» учением о земле как «святой плоти» в царстве «Третьего Завета».

Как видим, обращавшиеся к Достоевскому немецкие мыслители, связанные с течением «консервативной революции» конца 1910–1920-х гг., восприняли важнейший концепт великого русского писателя – «земля» – сквозь дихотомическое, распадавшееся на противоположности видение Мережковского, а не через цельное софийное истолкование Владимира Соловьева, Вячеслава Иванова и Сергея Булгакова. Хотя не всё в концепции Мережковского было принято немецкими последователями, понятие русского мыслителя о земле в определенной степени вошло в созданную ими мифологию Третьего рейха. Важно, что и средство борьбы с массовым обществом, «грядущим хамством», немецкие авторы, во многом вслед за Мережковским, искали в привязанном к земле и национальным традициям народе.

Примечания:

ПСС – Полное собрание сочинений

Olga Bogdanova: Dmitry Merezhkovsky and the Munich publishing house “Piper” in the first third of the XX century (an intercultural transfer of the concept ‘ground/earth’)

The author of this article analyses the participation of Dmitry Merezhkovsky in the “Collected works” of Fyodor Dostoyevsky issued by the Munich publishing house “Piper” and the publication of a number of Merezhkovsky’s own works in German translation by the same publisher in first third of the XX century. It is noted that the concept of ‘ground/earth’, a key one within Russian mentality, became, with Merezhkovsky, dichotomist – comprising, on the one hand, pagan meanings consonant with the teachings of Friedrich Nietzsche and, on the other, chiliastic ones associated with the image of the “millennial Kingdom” on earth from the Apocalypse. The latter prefigured the concept of the ideologues of German “conservative revolution” Arthur Moeller van den Bruck, Oswald Spengler, Thomas Mann et al.

Key words: Dmitry Merezhkovsky, Fyodor Dostoyevsky, publisher “Piper”, ‘ground/earth’, “conservative revolution”, Arthur Moeller van den Bruck, Oswald Spengler, Thomas Mann.

⁴⁸ Там же, с. 150; с. 148.

⁴⁹ Там же, с. 260.

⁵⁰ Имеется в виду драматическая диалогия Генрика Ибсена «Кесарь и галилеянин» (1873).

⁵¹ Манн, Томас. Русская антология, с. 75.

⁵² Манн, Томас. Пролог к музыкальному празднику в честь Ницше // Он же. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе / Пер. с нем. Соломона Апта, Вадима Бакусева и др. Москва: Культурная революция, 2009, с. 111-114; с. 114.